

под ним погибло“ (59). А в отписке передается такой ответ казаков послам крымского хана: „Не токмо, что город дать вашему царю, и мы не дадим з городской стены и одного камня снять вашему царю, нешто будет наши головы так же волятца станут полны рвы около города, как топеря ваши бусурманские головы ныне воляются, тогды нешто ваш город Азов будет“.¹

После этого казакам „полехчало“, „приступы“ прекратились. Отсутствие единого командования и внутренние раздоры, истощение запасов, огромные потери, приближение зимы, периода непогод, опасных для флота, несокрушимость азовской твердыни — все эти причины заставили турецкую армию „внезапно, — как пишет очевидец Эвлия Эфенди, — снять осаду“, ² как раз тогда, когда самим казакам падение крепости казалось уже неизбежным. Такой исход нуждался со стороны автора повести в объяснениях, причем, разумеется, именно таких, какие, в условиях политической борьбы за Азов в Москве, могли бы наилучшим образом истолковать в пользу Войска Донского неожиданную победу. Предложенное в повести толкование с необходимостью вытекало из прочно уже установившегося в Войске, проявившегося и на земском соборе освещения азовских событий как борьбы за освобождение исконно „христианского“ города. Для поэтического оформления этих идей пришла на помощь старая литературная традиция.

Азов был разбит „до основанья“, ³ Войско совершенно истощено,⁴ а турки готовили новый поход. Еще после взятия Азова казаки писали, что турки собираются „нас... з Дону перевестъ и Дон реку очистить“. Теперь эта перспектива потери любимого „тихого Дона Ивановича“, как величают его наша повесть и казачьи песни, потери вместе с ним и „воли“ становилась реальной. Все мысли и чувства Войска сосредоточились на том, чтобы удержать Азов хотя бы силами „государевых ратных людей“.⁵

В условиях сложной политической обстановки, создавшейся в Москве в этот период, казакам казалось недостаточным просто „бить челом“ об Азове, нужно было подкрепить свою просьбу веской по тем временам идеологической аргументацией, тем, что победа досталась им не просто „молодецким мужеством и промыслом“, как говорится в повести, но „сослана“ была „с небеси“ (л. 43, 45 об.).

На соборе мнения разделились. Сторонники присоединения Азова — часть дворян, дети боярские, купцы — считали, что, имея в руках такой „крепкой украиный город“, Русь обеспечит себя от „татарской войны“.⁶

¹ Донские дела, кн. I, стб. 769.

² Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. VIII, 1872, стр. 167.

³ Турецкие дела, № 1, 1642, л. 7.

⁴ Н. А. Смирнов, ук. соч., т. II, стр. 47.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Собр. гос. грамот..., стр. 386.